

УДК 111.61:316.4
doi:10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).12

Мегаполис как особый тип современного города

Мария Алексеевна Калистратова

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия, scared.mary@gmail.com

Аннотация. Роль и количество мегаполисов в современном мире неуклонно растет, поэтому вопрос об определении того, что такое мегаполис, является достаточно проблемным. Мегаполис предстает как новый тип и новый текст города, который обладает не только уже традиционно ассоциируемыми с городским пространством особенностями (зачастую в пространстве мегаполиса модифицированными), но и особенностями абсолютно уникальными и беспрецедентными.

Ключевые слова: город, мегаполис, глобальный город, мировой город, лаборатория, Бенъямин, виртуальность, медийность

Для цитирования: Калистратова М. А. Мегаполис как особый тип современного города // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 129–135. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).12.

Metropolis as a Special Type of Modern City

Maria A. Kalistratova

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia, scared.mary@gmail.com

Abstract. The quantity and the role of metropolises in modern world are steadily growing and the issue of defining what metropolis actually is still is problematic. Metropolis shows itself as a new type and new text of the city, having not only traditionally associated city space peculiarities (often modified), but also some unique and unprecedented features.

Keywords: city, metropolis, global city, world city, laboratory, Benjamin, virtuality, media exposure

В современном мире города развиваются с невероятно высокой скоростью, меня представление о самих себе для своего региона, страны, мира и, безусловно, самих себя. Города наделяют себя и наделяются извне различными статусами, связанными с их культурной, политической, экономической, промышленной и т. д. деятельностью, но, что немаловажно, их «глобальные» статусы (столичный город, провинциальный город) также модифицируются, и в более новых исследованиях традиционная оппозиция столица – провинция подвергается пересмотру из-за появления такого типа города, как мегаполис.

В данном исследовании мы попытаемся показать, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных городам, их типам и их текстам, мегаполис является отдельным типом и текстом города. Мегаполис – понятие проблемное, поскольку, во-первых, количество таких городов возрастает и общее «ядро» характеристик выделять всё труднее (исключая классическое определение мегаполиса как города, имеющего более миллиона жителей и/или расширяющегося за счет близких к нему территорий (пригородных территорий, если быть точнее)), а во-вторых, мегаполис

не только обладает уже «устоявшимися» городскими чертами и функциями, но и регулярно дополняется новыми.

В своей статье «Город и провинция в социокультурном измерении» С. Н. Бледный пишет о том, что мегаполисы – это «своего рода мировые центры, мировые города, вбирающие в себя все культурно значимые мировые ценности и после их переработки и отбора рождающие космополитические артефакты в виде стандартов современной цивилизации» [1, с. 28]. Отличие мегаполиса от столицы, по его мнению, состоит в том, что столица – «центр локальной цивилизации», тогда как мегаполис является «высшим проявлением мировой цивилизации и космополитической культуры» [Там же]. Наиважнейшим фактором в провозглашении мировой значимости мегаполиса (мегаполисов) С. Н. Бледный называет весомость влияния таких городов на мировую экономику, их власть над ее судьбой.

Преобладание слова «мировой» в определении мегаполиса, данным С. Н. Бледным, обращает наше внимание также на два других понятия: «мировой город» и «глобальный город».

Саския Сассен, благодаря которой термин «глобальный город» приобрел широкую популярность, отмечает, что «мировой город» и «глобальный город» – два разных термина и два разных городских статуса. Мировой город в ее определении – город, прежде всего, исторической и культурной значимости, тогда как глобальный город – своего рода узел (но очень значимый узел) в мировой (глобальной), прежде всего экономической, цепи. То есть мировой город может быть глобальным городом, а может и не быть таковым, и наоборот; к примеру, без сомнения, мировой город Лондон, по мнению Сассен, находится в «тени глобализации» [13], что она объясняет особенностями распределения плотности населения в городе – кварталы растущего глобального города очень разнятся по плотности населения, тогда как плотность населения в Лондоне относительно стабильна повсеместно. Сассен пишет, что «крупный город настоящего (глобальный город) появился как стратегическое пространство для разворачивания целого ряда новых видов деятельности – политической, экономической, “культурной”, субъективной» [10, с. 25]. В оригинале «крупный город» – “large city”, что обозначает город, превышающий 250 тысяч населения, а значит, не обязательно мегаполис: «Такие центры (глобальные города) выделяются не по величине людности... а по диапазону действий и степени политического влияния и экономической мощи» [11]. Из всего вышеупомянутого можно сделать несколько выводов. В первую очередь, очевидно, что понятия «мировой город», «глобальный город» и «мегаполис» не тождественны, хотя в рамках одного и того же города могут в равной степени реализоваться все три этих статуса. Во-вторых, понятия «мировой город» и «глобальный город», прежде всего, ориентированы «наружу», экстравертны. И «мировой», и «глобальный» города постулируются и оцениваются извне, с позиции их «повсеместной» значимости. Безусловно, их внутренняя жизнь также значима, но значима не столько сама по себе и сама в себе, сколько в контексте их мирового влияния. Но встает вопрос о том, какое же место в этом случае занимает мегаполис. Является ли мегаполисом город, не имеющий мирового значения?

Мегаполис также во многом направлен вовне. В первую очередь это связано с тем, что мегаполисы – важные центры притяжения, в которые с «периферии» стягиваются разного рода ресурсы, необходимые для создания инноваций. Эти инновации затем движутся от центра к периферии, или же от более важных и крупных городов к менее важным и менее крупным городам. То есть в этом случае любой мегаполис может выступать, с одной стороны, аттрактором, замыкая в себе необходимые ему ресурсы, с другой – донором, передающим информацию вовне, а с третьей – реципиентом, оказываясь, в каком-то смысле, периферией сам. Он не стано-

вится периферией в полном смысле слова, однако становится не венцом пирамиды, а ее более нижними ярусами.

Мегаполис может быть и своего рода «глобальным городом», но не всегда в общемировом масштабе, а в масштабе своего региона и (или) страны. Как пишет Д. С. Чумаков, «города-мегаполисы склонны к процессу укрепления связей со своим “хинтерландом” (область (район), прилегающая к административному или промышленному центру), концентрируя тем самым положительный опыт и формируя определенные механизмы политической устойчивости и адаптации к быстро изменяющейся ситуации как на международной арене, так и внутри страны» [14, с. 209]. Помимо этого он отмечает, что даже если мегаполисы не являются мировыми экономическими или политическими центрами, они «связаны с мировой системой огромными человеческими ресурсами» [Там же, с. 212]. а также «служат своеобразными точками притяжения для государств и даже континентов, на территории которых они находятся» [Там же]. Кроме того, мегаполис сам по себе – мир в миниатюре, внутри которого мы можем встретить разные этносы, культуры и субкультуры, а также это то место, где реализуются различные социальные, политические, экономические и, что является особенно важным, медиаотношения.

Высокая потребность в медиа и даже зависимость от них может рассматриваться как характеристика современного общества, поскольку благодаря медиа человек может лучше ориентироваться в мире, окружающем его, и мире в целом. Н. В. Гришанин вводит термин «мегакоммуникация» [4] для обозначения медиапространства мегаполисов. Он отмечает то, что в рамках мегакоммуникации человек способен формировать отношения с миром на разных уровнях: человек – человек; человек – общество; человек – государство; человек – мир. И эта мегакоммуникация может работать в обратную сторону, оказывая влияние на человека (а если быть точнее, горожанина). Медиа, отмечает Д. С. Чумаков, «удерживает его [мегаполиса] единство» [14, с. 208].

Насыщенность медиа является важной чертой современного мегаполиса и людей, живущих в нем. Медиа сфера – часть городской жизни, однако это и жизнь, развивающаяся в самостоятельном ключе тоже. Существует даже отдельное понятие «медиаполис», иллюстрирующее особенное медийное пространство и особенное медийное поведение людей, живущих в городе. Как правило, понятие «медиаполис» ассоциируют именно с мегаполисом, поскольку сеть медиа, опутывающая его, является более сложной и многокомпонентной. Но, что самое главное, понятие «медиаполис» отображает особенный тип жизни и поведения людей и информации, ими потребляемой и создаваемой. Медиаполис, как любое городское образование, обладает своими проблемами, своей инфраструктурой, своими субъектами и объектами. Медиа отражают жизнь города в целом, но также отражают и жизнь каждого конкретного человека, реализуя человеческую потребность в самовыражении, что является, с одной стороны, воплощением прав человека, а с другой – формирует и особенную турбулентность, поскольку права и свободы человека в медиапространстве – предмет недостаточно проанализированный, изученный и, что немаловажно, осознанный. Медиа реальны и виртуальны одновременно, и именно виртуальность оказывается одной из важнейших черт современных городов-мегаполисов.

В. Г. Туркина пишет, что «современный город, а тем более мегаполис, оказывается той средой, в которой социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляют себя с особой силой, интенсивно влияют на действительность» [12, с. 52]. Однако, отмечает она далее, виртуальные пространства не ограничиваются только технически творимыми виртуальными феноменами – есть и другие виртуальные реальности, связанные с «существованием культуры, мифа, религии, науки, искусств, рекламы... тексты города, в частности архитектурные, и тексты о

городе, метаописания, планы, геральдика, топонимика, визуальные материалы повседневности (продукты рекламы, средств массовой информации, PR-технологий), экспозиции музеев создают своеобразное семиотическое поле, конституирующее особую городскую виртуальную реальность» [12, с. 53]. Немаловажную роль в этом играет тот факт, что при проживании, познании, анализе города человек никогда не работает с городом «как он есть» – его субъективное восприятие создает особенный образ города, который, одновременно соотносясь с городом как материальной сущностью, всё же ею не является. Образ виртуален, и «любой город представлен своим виртуальным образом не менее, чем своей актуализацией, реальным воплощением» [Там же, с. 55]. Образ города не является каким-то однородным и целостным образованием – образ города собирается из маленьких разрозненных кусочков, он гетерогенен и довольно беспорядочен. Беспорядочностью отличается и сама структура современного города, она постоянно меняется, центры нередко сменяются точками фокуса, а хаотичность застроек, пестрота и многоплановость размывают прежние городские границы. Мегаполис, говорят авторы статьи «Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом», в большей степени обладает чертами «фюсиса», т. е. саморазрастающейся и самовластной природы, т. е. природы, которая «порождает, «прёт» в разные стороны, «напирает» [7, с. 39].

«Фюсийность» мегаполиса, однако, далека от «естественной» природы. Город изначально не природен, поскольку города созданы людьми, т. е. заведомо искусственны. Как отмечает С. П. Гурин, «город – это способ организации и структурирования пространства, введение человеческого измерения в нечеловеческий мир» [5]. Однако стремление к чрезмерной аналитике в градостроительстве нередко приводит к непредсказуемым последствиям. Д. Джекобс в книге «Смерть и жизнь больших американских городов» говорит о том, что, несмотря на всю распланированность градостроительства, то, какие зоны будут процветать или увядать, предсказать невозможно, и чем больше город, тем это становится более значительным. «Большие города – это гигантские лаборатории проб и ошибок, успехов и неудач» [6, с. 19–20]. Город-лаборатория – это, с одной стороны, поле, где человек экспериментирует с окружающей его средой, а с другой – оказывается «подопытным кроликом» сам.

Город изначально является пространством трансформации для человека, заставляет его выходить за свои границы; как пишет С. П. Гурин, «исходная сакральная идея любого города – это возможность конструктивного разрушения границы, преобразования и трансценденции человека» [5]. Однако в мегаполисе вопрос о сакральности оказывается достаточно спорным. Мегаполис выступает местом практически неограниченных (и постоянно обновляющихся) возможностей, что противоречит сакральности, предполагающей самоограничение. Н. В. Кузьмина и О. Н. Астафьева делают вывод, что «диалектика религиозного и мирского в социокультурном пространстве мегаполиса уступила место “напряженности” другого порядка – в системе координат эмоционального, чувственного и рационального, интеллектуального. Это обозначило переход от дихотомии сакрального и профанного к инновационному и провокативному» [9]. В этом контексте образ города как лаборатории становится еще более выразительным, поскольку в нем воплощены и инновационность, и провокативность.

О. Ю. Голомидова, ссылаясь на М. Фаликмана, говорит, что, поскольку человек так и не эволюционировал, постоянно меняющиеся условия среды заставляют его вновь и вновь адаптироваться к ним [2, с. 74]. Это провоцирует множество проблем физиологического и психологического характера, которые современные исследователи связывают именно с проблемами жителей городов, и в особенности мегаполисов. Но, помимо того, что деятельность города-лаборатории нередко оказывается

деструктивной, она может быть и креативной, поскольку порождает и новый тип человека, и новый тип общественных отношений.

Говоря о новом типе человека и новом типе общественных отношений, следует упомянуть о таком феномене городской жизни человека, как одиночество. Человек, оказываясь заброшенным в жизнь беспорядочного и беспокойного города (который, к тому же, обычно вообще не спит), ощущает необходимость «освоиться» в городе, т. е. понять город и свое место в нем, что становится всё более и более трудным. Из-за этого люди нередко чувствуют отчужденность, неприкаянность и одиночество. Как отмечает Галина Горнова, «город мультиплицирует одиночество» [3], и это одиночество во многом не только человеческое одиночество, но и городское одиночество, т. е. одиночество самого города, его потребность в самоидентификации и причастности, с одной стороны, но также ощущение некоторой несостоятельности и необходимости обособить себя, – с другой. Что провоцирует всё новые запросы и желания у города и у его жителей – «город обещал мне нечто новое каждый день, и к вечеру обещание так и оставалось неудовлетворенным»¹ [15, с. 83]. И город, и его жители живут в вечном ожидании чего-то лучшего, оставаясь при этом в рутине своего бытия, провоцирующей скуку. Одиночество в приведенном выше анализе выступает сугубо негативным феноменом, однако существует и полярная точка зрения, рассматривающая одиночество скорее как нечто положительное и даже желательное.

Город дает человеку возможность преодолеть одиночество, а с другой стороны, возможность его сохранить. Человек волен не вступать в сообщества, не строить глубоких и серьезных отношений или же, напротив, строить их – его желание свободное. Город, пишет О. Ю. Голомидова, «дает возможность сформироваться новому типу экономики, основанному на разделении труда и профессионализме, новому типу семьи, создание которой теперь вопрос не хозяйственного характера, а личного эмоционального выбора, и в целом освободиться от давления и власти общины» [2, с. 75]. А, к примеру, «слабые связи» (деловая коммуникация) позволяет, избежав эмоциональной вовлеченности, сохранить информативную значимость, что способствует формированию «креативного класса» и «обеспечивает высокую степень толерантности» [Там же].

Кроме того, одиночные практики, реализуемые в условиях города-мегаполиса, также оказываются достаточно значимыми. Эти одиночные практики во многом нацелены на самопознание, но также и на чистое восприятие города и чистый, неаналитический контакт с ним, реализуемый через игру. Говоря об игре, Вальтер Беньямин прежде всего анализирует подход ребенка к взаимодействию с условиями городской среды, но отмечает, что ребенок здесь не только ребенок «фактический», но и та часть нашего «я», которая вступает в живое, естественное взаимодействие с городом. Игра, по Беньямину, реализуется в трех разных формах: коллекционировании, подражании и трансгрессии.

Суть трансгрессии заключается в стремлении выйти за пределы воображаемого города, в необходимости освободиться от пространственных оков. Это стремление открыть то, что невидимо, освободив тем самым не только себя, но и то, что было спрятано, «двойное освобождение становится здесь очевидным: ребенок проникает в секретные пространства пространства внутреннего (замкнутого), и “украденные” предметы освобождаются из своего заточения, своего места в пределах буржуазного порядка вещей. Ребенок – спасатель, спаситель вещей» [15, с. 86].

Мимесис, т. е. подражание, в этом случае рассматривается как стремление к взаимности, к вовлеченному взаимодействию с предметами окружающего мира без

¹ Здесь и далее перевод М. Калистратовой.

необходимости определять их статусность, ценность, состоятельность: «Магическое отношение должно быть четко отделено от мифического восприятия взрослым материальных вещей. Ребенок не участвует ни в самоуничтожении человека перед вещами (потребленческий фетишизм), ни их [вещей] доминации (инструментализм), но вместо этого ищет игровую взаимность. Для ребенка новые принципы потребления и моды – источник смущения и унижения» [15, с. 87], т. е. основной принцип такого типа игры – субъект-субъектное отношение, где каждый участник и элемент игры в равной степени важны.

Коллекционирование же содержит в себе, как будто бы, элементы двух других типов игры, поскольку предполагает, скорее, собирание тех вещей, которые не очевидны, не необходимы кому-то другому, они нуждаются в новой жизни, которую ребенок им дает. Вещи не фетишизируются, они служат не для того, чтобы просто быть музейными экспонатами, – они нужны для того, чтобы достроить мир, чтобы по фрагментам собрать его, это то, что найдено, а не то, что присвоено. Поиск и обновление – суть коллекционирования: «Благодаря игровости ребенка, сломанные и забытые объекты трансформируются во что-то новое, что-то ценное. Для ребенка предмет в этих артефактных классиках может стать чем-то, что представляет или обозначает что-то другое». Это могут быть не только предметы материального мира, но и воспоминания (re-collections): «Ребенок – искатель и хранитель потерянных вещей, который дополняет воспоминания взрослого о потерянных временах» [15, с. 89].

Любой тип игры предполагает «вживленность» человека в условиях, которые ему заданы, но в стремлении «освоить» их, испытать их пределы (и, возможно, выйти за них), воссоздать что-то исключительное, новое, без необходимости, однако, осознавать это, давать оценку, фетишизировать. Игра – чистое взаимодействие, в котором царствует непосредственное, детское, незашоренное и необусловленное. Подобное чистое взаимодействие с городом можно также увидеть в такой практике, как фланирование.

Фланёр – это «прохожий, намеренно “включивший” в своем сознании режим “турист”, намеренно потерявшийся в городской обыденности, наделенный особым, возвышенным, поэтическим восприятием города» [8]. Слово «намеренно», акцентированное в приведенном определении, скорее, указывает не на «целенаправленность», а на внутреннее, естественное стремление в ощущении праздности «поиграть» с городом, проходя через него. Основы фланирования – любопытство, вовлеченность и непосредственность. Это именно то взаимодействие с городом, где, с одной стороны, не нужно выделяться, но, с другой, где субъект-субъектное отношение с городом особенно необходимо и важно. Ритм мегаполиса, как говорит Зоя Кайс, не предполагает неспешности и праздничности, однако само фланирование помогает «открыть свои глаза, уши и душу для города и собственных мыслей», что, в свою очередь, способствует «открытию» города и самостановлению человека как «горожанина и гражданина» [8].

Современный мегаполис – постоянно формирующееся и обновляющееся понятие, постоянно формирующийся, дополняющийся и обновляющийся текст. Мегаполис трудно запечатлеть в моменте, поскольку уже через секунду что-то может измениться. В мегаполисе сохраняются многие традиционно городские черты, однако они или утрируются, или модифицируются, а иногда и вовсе меняют свою полярность. Человек мегаполиса – субъект и объект города, способный делать индивидуальный выбор, адаптируясь к регулярно обновляющимся условиям, или этого выбора порой не иметь. Мегаполис – целостное концентрическое образование, в то же время всегда способное выходить за свои пределы и испытывать их. Он самозамкнут и индивидуалистичен, но ему не чуждо и стремление к объединению

с близкими (и далекими) ему территориями и со всем миром вообще. Мегаполис – поле контрастов, где есть место и столкновению полярных понятий, и их относительно гармоничному сосуществованию.

Список источников

1. Бледный С. Н. Город и провинция в социокультурном измерении // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 1 (45). – С. 24–30.
2. Голомидова О. Ю. Город как культурная лаборатория // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 7 (403). – С. 73–77.
3. Горнова Г. Город и одиночество // Управление развитием территории : портал. – 06.05.2019. – URL: <https://urtmag.ru/public/654/> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Гришанин Н. В. Коммуникационные особенности медиапространства городов: мегакоммуникации // Научные труды Северо-Западного Института управления РАНХиГС. – 2020. – Т. 11, № 3 (45). – С. 33–35.
5. Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Саратовский областной музей краеведения : портал. – URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения 06.08.2022).
6. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. – М. : Новое издательство, 2011. – 460 с. – (Библиотека свободы).
7. Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Философия. Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 37–47.
8. Кайс З. Повседневность как поле выявления смыслов урбанистического мира / пер. с укр. М. Кац // Пространство : портал о жизненном пространстве, культуре, философии и методологии урбанистических исследований. – URL: <https://www.prostranstvo.media/povsjakdennist-jak-pole-rojavi-smisliv-urbanistichnogo-svitu/> (дата обращения: 02.08.2022).
9. Кузьмина Н. В., Астафьева О. Н. Человек в современном городе: от дихотомии сакрального и профанного к инновационному и провокативному // Урбанистика. – 2022. – № 1. – С. 26–37. – DOI 10.7256/2310-8673.2022.1.36608.
10. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность : сборник / под ред. Н. А. Слуки. – М. : Аванглион, 2007. – С. 9–27.
11. Слука Н. А. Эволюция концепции «мировых городов» // Демоскоп Weekly : портал. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit01.php> (дата обращения: 03.08.2022).
12. Туркина В. Г. Город как виртуальный феномен // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16 (71). – С. 51–60.
13. Фахретдинов Р. Глобальные города Саскии Сассен // Европейский университет в Санкт-Петербурге : портал. – 15.09.2014. – URL: <https://eusp.org/news/sovremennye-tendentsii-razvitiya-megapolisa-i-mesto-sankt-peterburga-v-globalnoj-sisteme> (дата обращения: 03.08.2022).
14. Чумаков Д. С. Мегаполис как социальный и политический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2 (32). – С. 206–213.
15. Gilloch G. Myth and Metropolis: Walter Benjamin and the City. – Cambridge : Polity Press, 1996. – xi, 277 p.

Информация об авторе

Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 3-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Maria A. Kalistratova, third-year postgraduate student, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 10.08.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 25.08.2022.